

УДК 821.161.1

*Ю.В. Фомина***ТЕЛО И ДУХ В ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «ХОЗЯИН И РАБОТНИК»**

В образе В.А. Брехунова, главного героя повести «Хозяин и работник», отражается центральный для позднего творчества Л. Толстого мотив ложной жизни. Цель исследования – разграничить ложь и истину как в духовной жизни персонажа, так и во внешнем ее выражении. Предметом исследования в статье являются невербальные сигналы и внутренние монологи Василия Брехунова. Соотносясь с духовно-эмоциональной сферой жизни, невербальные знаки становятся основным идентификатором лжи / истины. Развернутые внутренние монологи Брехунова в основном закреплены за ситуацией метели, которая отсылает к «метельному тексту» русской литературы и определяет скупость невербальных знаков. Традиционно итогом «метельного» путешествия является нравственное самоопределение героя, которое раскрывается в повести «Хозяин и работник» с помощью внутренних монологов. Таким образом, комплексный анализ невербальных сигналов и внутренних монологов персонажа позволяет выявить превосходство духовного начала над телесным, знаковое в художественном мире позднего Л. Толстого.

Ключевые слова: Л. Толстой, мотив ложной жизни, семантика жеста, внутренний монолог.

Повесть «Хозяин и работник» продолжает развивать мотив ложной жизни, заявленный в «Холстомере» и «Смерти Ивана Ильича». Однако соотношение лжи / истины здесь сложнее. Персонажи повестей «Холстомер» и «Смерть Ивана Ильича» – молодой коннозаводчик, Иван Ильич, Петр Ильич, Шварц – живут, как все в их круге, не задумываясь о том, как надо жить. Они «играют роли» соответственно ситуации, надевают «маски», изображая уместные в данном случае эмоции, на самом деле их не испытывая. Эти герои следуют ритуальному поведению, осознавая его игровой, неподлинный характер. Герой повести «Хозяин и работник», В.А. Брехунов, совершенно искренне апеллирует к таким понятиям, как труд и Бог. Он уверен, что живет правильнее других: «...дело помню, стараюсь, не так, как другие – лежни али глупостями занимаются. А я ночи не сплю. Метель не метель – еду. Ну и дело делается. <...> Думают, что в люди выходят по счастью. Вон Мироновы в миллионах теперь. А почему? Трудись. Бог и даст». Герой убежден, что его судьба и счастье всецело зависят от него самого, он «считает самого себя хозяином, и поэтому является лжецом и хвастуном в самом глубоком смысле слова, на что указывает и его фамилия, образованная от слова “брехун”» [1. С. 204]. Он лжет вдвойне: приняв свои убеждения за постулаты истинной жизни, Брехунов не осознает, как опутывает ложью и себя, и других. Невербальные сигналы и внутренние монологи персонажа, соответственно замыслу автора, помогают разграничить ложь и истину. Однако повесть «Хозяин и работник», если сравнивать ее с «Холстомером» и «Смертью Ивана Ильича», отличается скупостью невербальных знаков. Любопытно и то, что большая часть невербальных сигналов и характеристик, раскрывающих сущность Брехунова, обнаруживаются в начале повести, до «метельной» ситуации.

Василий Андреевич собирается ехать в ночь, в метель, чтобы совершить выгодную сделку. Роша – цель поездки – становится «символом потребности к присвоению, экспансии мира» [5. С. 170]. Процесс обогащения представляет собой «единственную цель, смысл, радость и гордость его жизни» [7. С. 31], что подтверждают размышления героя: все его мысли заняты лишь тем, «сколько он нажил и может еще нажить денег; сколько другие, ему известные люди, нажили и имеют денег, и как эти другие наживали и наживают деньги, и как он, так же как и они, может нажить еще очень много денег» (Там же).

Первостепенность приобретения подчеркивается и во внешнем виде Брехунова: его длинные зубы и ястребиные глаза И. А. Юртаева интерпретирует как характеристику «хищного типа». Исследователь отмечает, что в повести «автор сталкивает два противоположных момента, определяющих жизнь человека: метель как проявление высшей воли и силу, определяющую действия людей в обычной жизни: деньги» [9]. В ситуации метели персонажи могут вести себя по-разному: «...покорно следовать предначертанию, либо пытаться вопреки всему добиться своей цели» [там же], в связи с чем и выделяются два типа героев – хищный и смирный.

Характеристика «хищника» определяет и поведение Василия Андреевича в разных ситуациях. Когда жена просит взять с собой в поездку работника Никиту, Брехунов «сердито нахмурился и плюю-

нул» [7. С. 7]. Невербальный знак «нахмуренные брови» указывает на то, что жестикулирующий «чувствует что-то плохое» [3. С. 183] из-за внезапного препятствия к действию, желаемой цели. Плевков же традиционно трактуется как презрение. Следовательно, Василий Андреевич воспринимает вынужденного «проводжатога» как препятствие к немедленному отправлению, а к жене, выказавшей такое желание, испытывает негативные эмоции.

Привыкший добиваться своей цели, Брехунов одинаково ведет беседу как с продавцами / покупателями, так со своими близкими. Пытаясь отказаться от сопровождения Никитой, Василий Андреевич убеждает жену «с тем неестественным напряжением губ, с которым он обыкновенно говорил с продавцами и покупателями, с особенной отчетливостью выговаривая каждый слог» [7. С. 7]. В такой же манере купец разговаривает с Никитой, стараясь продать ему никуда не годную лошадь: «Лошадь хорошая. Я тебе желаю, как самому себе. По совести. Брехунов никакого человека не обидит. Пускай мое пропадает, а не то чтобы как другие. По чести, – прокричал он своим тем голосом, которым он заговаривал зубы своим продавцам и покупателям» [7. С. 10]. Следует отметить, что Василий Андреевич не пытается врать, говоря о чести. Он действительно уверен, что покровительствует работнику: «...за два дня до праздника Марфа (жена Никиты – Ю.Ф.) приезжала к Василию Андреичу и забрала у него белой муки, чаю, сахару и осьмуху вина, всего рубля на три, да еще взяла пять рублей деньгами и благодарила за это, как за особую милость, тогда как по самой дешевой цене за Василием Андреичем было рублей 20 / – Мы разве с тобой уговоры какие делали? – говорил Василий Андреич Никите. – Нужно – бери, заживешь. У меня не как у людей: подожди, да расчеты, да штрафы. Мы по чести. Ты мне служишь, и я тебя не оставляю» [7. С. 4].

Будучи глубоко уверенным в своей правоте и некой избранности, Брехунов не задумывается о чувствах других. Он не утруждает себя мыслями о такте и выборе уместной для собеседника темы, так как искренне думает, что разговор с ним – уже особая честь: «Что ж, хозяйке-то, я чай, наказывал бондаря не поить? – заговорил тем же громким голосом Василий Андреич, столь уверенный в том, что Никите должно быть лестно поговорить с таким значительным и умным человеком, как он, и столь довольный своей шуткой, что ему и в голову не приходило, что разговор этот может быть неприятен Никите» [7. С. 10].

В начале поездки Брехунов крайне самоуверен: несмотря на надвигающуюся бурю, он не боится ночной дороги. Кроме того, герой выбирает короткий, но более сложный и опасный путь. Как и большинство персонажей «метельных текстов», Василий Андреевич бросает вызов судьбе, решаясь ехать во время метели, по малоезженной дороге, несмотря на дурные предзнаменования. Таким предзнаменованием можно считать развешанное в Гришкино белье: «У крайнего двора на веревке отчаянно трепалось от ветра развешенное замерзшее белье: рубахи, одна красная, одна белая, портки, онучи и юбка. Белая рубаха особенно отчаянно рвалась, махая своими рукавами. / – Вишь, баба ленивая, а либо умирает, – белье к празднику не собрала, – сказал Никита, глядя на мотавшиеся рубахи» [7. С. 14]. Следует учесть, что в обрядовой культуре славян рубаха является ключевым элементом костюма, в связи с чем она используется в качестве двойника человека в ритуальных действиях. Также рубаха «часто соотносится с судьбой, долей человека» [2]. Мотавшиеся рубахи здесь могут являться знаком не только предполагаемой печальной участи хозяйки дома, но и самих путников. Судьба белой рубахи предвещает судьбу Брехунова, который будет также отчаянно рваться по белой пустыне, бросив Никиту и пытаясь спастись в одиночку. На обратном пути Брехунов с Никитой также видят это белье: «...белая рубаха уже сорвалась и висела на одном мерзлом рукаве» [7. С. 15]. Когда же путники повторно оказываются в Гришкино, отогреваясь в доме знакомого и снова решаясь ехать, белье уже не видно. Такое развитие событий предвещает трагический финал путешествия. Однако возможно и другое прочтение этого знака: «...белый – традиционный цвет чистоты и праведничества, соответственно, параллель между бьющейся на ветру белой рубахой и застигнутым метелью и паническим ужасом Брехуновым может скрывать еще один смысл – указывать на предсмертное просветление “черного”, “темноликого” Василия Андреича, отдающего свою жизнь ради спасения работника Никиты» [6].

Метельный сюжет является традиционным для русской литературы, поэтому имеет устойчивый комплекс мотивов. Метель – это «особое состояние мира, когда человек, подвергаясь испытанию, должен этически самоопределиться» [9]. Именно поэтому в повести, как и в других «метельных» текстах, фокус как бы смещен внутрь персонажа, что выражается в скудости невербальных знаков. Духовный переворот раскрывается в основном через внутренние монологи Василия Андреевича.

Первая ступень на пути самоопределения Брехунова – это сомнение в своей силе: «Василий Андреич уже не приказывал ничего, а покорно делал то, что говорил ему Никита» [7. С. 27]. Остановившись ночевать, Брехунов испытывает страх и в мыслях упрекает Никиту: «“И напрасно послушался я Никиту”, – думал он. – “Ехать бы надо, всё бы выехали куда-нибудь...”» [7. С. 32]. Так, выполняя решения Никиты, Василий Андреевич видит в нем только помеху, препятствие, причину своих бед. Даже когда герой видит ветхую одежду мужика и понимает, что последний может замерзнуть, Брехунов думает только о себе: «“Не замерз бы мужик; плоха одежонка на нем. Еще ответишь за него. То-то народ бестолковый. Истинно необразованность”, – подумал Василий Андреич и хотел было снять с лошади веретье и накрыть Никиту, но холодно было вставать и ворочаться, и лошадь, боялся, как бы не застыла» [7. С. 33].

Василий Андреевич пытается побороть свой страх, припоминая примеры выживших в такой ситуации знакомых, однако подсознание тут же выдает другие примеры: «“Так-то дядюшка раз всю ночь в снегу просидел, – вспомнил он, – и ничего. Ну, а Севастьяна-то откопали, – тут же представился ему другой случай, – так тот помер, закоченел весь, как туша мороженая» (курсив наш. – Ю.Ф.) (Там же). Наконец, негативные мысли и воспоминания одолевают Брехунова, и он чувствует себя бессильным перед страхом: «“Говорят, пьяные-то замерзают, – подумал он. – А я выпил”» [7. С. 35]. Тогда он решает попытаться выбраться в одиночку: «“Что лежать-то, смерти дожидаться! Сесть верхом – да и марш”, – вдруг пришло ему в голову. “Верхом лошадь не станет. Ему, – подумал он на Никиту, – все равно умирать. Какая его жизнь! Ему и жизни не жалко, а мне, слава богу, есть чем пожить...”» (Там же).

Следующая ступень самоидентификации героя – обуявший его страх, возникший в момент осознания того, что он кружится на небольшом пространстве. Этот страх так силен, что Брехунов не различает звуки, в обычной ситуации вполне понятные: «Вдруг какой-то страшный, оглушающий крик раздался около его ушей, и всё задрожало и затрепетало под ним. Василий Андреич схватился за шею лошади, но и шея лошади вся тряслась, и страшный крик стал еще ужаснее. Несколько секунд Василий Андреич не мог опомниться и понять, что случилось. А случилось только то, что Мухортый, ободряя ли себя, или призывая кого на помощь, заржал своим громким, залившимся голосом» [7. С. 39]. Тогда Брехунов предпринимает попытку спастись молитвой: «“Царица небесная, святителю отче Николае, воздержания учителю”, – вспомнил он вчерашние молебны и образ с черным ликом в золотой ризе и свечи <...> И он стал просить этого самого Николая-чудотворца, чтобы он спас его, обещал ему молебен и свечи» [7. С. 40]. Хотя Василий Андреевич и является церковным старостой, отношение к церкви у него сугубо утилитарное, поэтому вера ему помочь не может, и он знает это: «Но тут же он ясно, несомненно понял, что этот лик, риза, свечи, священник, молебны, – всё это было очень важно и нужно там, в церкви, но что здесь они ничего не могли сделать ему, что между этими свечами и молебнами и его бедственным теперешним положением нет и не может быть никакой связи» (Там же).

Таково его отношение не только к церкви, но и к семье. К сыну он не испытывает теплых отеческих чувств: его роль в жизни Брехунова сводится к наследованию богатств, накопленных отцом: «...сына в мыслях всегда называл наследником» [7. С. 7]. Впервые подумав о том, что будет после него, Брехунов ставит сына в один ряд с нажитым: «Роща, валухи, аренда, лавка, кабаки, железом крытый дом и амбар, наследник, – подумал он, – как же это всё останется?» [7. С. 39].

Третий шаг – исчезновение страха. После возвращения к Никите герой хочет, чтобы не появлялся снова испытанный им невыносимый страх, а для этого ему надо было чем-то себя занять. Мужик предоставляет ему такую возможность. Замерзающий Никита произносит свою последнюю просьбу, после чего Василий Андреевич решает действовать: «...он (Василий Андреич. – Ю.Ф.) отступил шаг назад, засучив рукава шубы, и обеими руками принялся выгребать снег с Никиты и из саней». Широко известен фразеологизм, связанный с невербальным знаком «засучить рукава» и обозначающий «усердно, старательно, энергично (делать что-либо)». Г. Е. Крейдлин для этого жеста отмечает и «коннотацию грязной деятельности, к которой собирается приступить человек» [3. С. 304]. В данном случае применимы оба значения, так как Брехунов воспринимает мужицкую работу как грязную. Но теперь Брехунов готов и по-мужицки работать, и накрыть Никиту собой, только бы не испытать чувство ужасного страха: «Выгребши снег, Василий Андреич поспешно распоясался, расправил шубу и, толкнув Никиту, лег на него, покрывая его не только своей шубой, но и всем своим теплым, разгоряченным телом» [7. С. 41].

Брежунов все это делает для себя, а не для другого, не осознавая, что совершает благородный, жертвенный поступок. Поскольку Василий Андреевич никогда ничего не делал для других, он не может адекватно интерпретировать свои эмоции, расценивает свои чувства как слабость. Однако эта слабость вызывает в его душе «не испытанную еще никогда радость», «какое-то особенное торжественное умиление» [7. С. 42].

Еще Л. Шестов обратил внимание на семантическую насыщенность слабости у Л. Толстого, отметив, что слабость человека, «всю жизнь... радовавшегося о своей силе», «есть начало того чуда превращения, <...> которое на человеческом языке называется смертью» [9. С. 147]. В художественном мире Толстого слабость «разряжает» «плотную “жизненную” ткань», рождая «ощущение радостной и “странной легкости бытия”, связанной с отсутствием страха смерти» [5. С. 182].

Эта удивительная для Брежунова радость – знак его перерождения, душевный подъем от совершенного доброго бескорыстного поступка. Такой переворот порождает в душе Василия Андреевича необходимость коммуникации с другим человеком: «Но ему так страстно захотелось сказать кому-нибудь про свое радостное состояние» (Там же). Однако подступавшие слезы мешают этому. Меняется и ход мыслей героя: теперь он не думает о нажитых вещах, о наследнике, не думает даже о собственном выживании. Все его сознание сконцентрировано только на том, «как бы отогреть лежащего под собой мужика» (Там же). Однако внутренний монолог Брежунова показывает, что некоторые его привычки сохраняются: «“Небось, не вывернется”, – говорил он сам себе про то, что он отогреет мужика, с тем же хвастовством, с которым он говорил про свои покупки и продажи» (Там же).

В результате Брежунов засыпает и видит сон, в котором не может пошевелить ни руками, ни ногами. «Типичные образы ситуации метели – неподвижность, охватывающая героев во сне <...> соответствуют изображению сна как временной смерти, способствующей обретению высшего знания в итоге путешествия в загробный мир» [9]. Так и происходит: во сне к Василию Андреевичу «приходит тот, кого он ждал <...> Он пришел и зовет его, и этот, тот, кто зовет его, тот самый, который кликнул его и велел ему лечь на Никиту. И Василий Андреевич рад, что этот кто-то пришел за ним. “Иду!” – кричит он радостно» [7. С. 43]. Просыпается Брежунов «совсем уже не тем, каким он заснул» (Там же). Как отмечает Р.Ф. Густафсон, «чудесно рожденный другой, который говорит о Брежунове в третьем лице, который не может понять, почему Брежунов “занимался всем, чем занимался”, который “знает, в чем дело”. В своем деянии любви здесь и сейчас Брежунов открывает, кто он есть на самом деле и что он должен делать. В своих действиях, но сам того не сознавая, он становится верующим человеком» [1. С. 207].

Далее читателю представляется ужасающая картина замерзшего тела Брежунова: «Василий Андреевич застыл, как *мороженая туша* (курсив наш. – Ю.Ф.), и как были у него расставлены ноги, так, раскорячившись, его и отвалили с Никиты. Ястребиные выпуклые глаза его обмерзли, и раскрытый рот его под подстриженными усами был набит снегом» [7. С. 45]. В этой «скотской» позе мертвого тела Д.С. Мережковский усматривает «последний, кажущийся ненужным и кошунственным, удар той святине человеческого тела, во всей своей немощи и тленности все же “богоподобного”» [4]. Однако это еще и дань человеческому духу. Брежунову не удалось избежать той участи, которой он так боялся: он замерз, как и его знакомый Севастьян, превратившись в мороженую тушу. Но при этом Василий Андреевич сумел изменить отношение к смерти. Сохранив жизнь Никите, он принял смерть с радостью. Подтверждение этому мы находим не только в предсмертном внутреннем монологе, но и в описании его тела. Как известно, открытый рот часто сопровождает «радостная улыбка». Возможно, Василий Андреевич улыбался перед смертью и радость и умиление, наполнившие его существо, отразились на его лице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Густафсон Р.Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Л. Толстого. СПб., 2003. 480 с.
2. Краткая энциклопедия символов. URL: <http://www.symbolarium.ru> (дата обращения: 15.04.2015).
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002. 592 с.
4. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. URL: http://bookz.ru/authors/dmitrii-merejkovskii/ltolsto_273/1-ltolsto_273.html (дата обращения: 24.03.2015)
5. Нагина К.А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого. Воронеж, 2012. 443 с.
6. Ранчин А.М. Символика пространства и эсхатологические мотивы в рассказе Л.Н. Толстого «Хозяин и работник». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41706.php> (дата обращения: 06.05.2015)

7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., Л. Т. 29. 450 с.
8. Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1993. 557 с.
9. Юртаева И.А. Мотив метели и проблема этического выбора в повести Л.Н. Толстого «Хозяин и работник». URL: <http://refrend.ru/505817.html> (дата обращения: 28.04.2015).

Поступила в редакцию 20.08.15

Yu.V. Fomina

BODY AND SPIRIT IN THE NOVEL OF L. TOLSTOY «MASTER AND MAN»

The image of V.A. Brehunov, the main character of the novel «Master and Man», reflects the motive of a false life – a central motive of late Tolstoy's works. The purpose of the study is to delimit the lies and truth both in the spiritual life of the character, and in its external expression. To this end, the article analyzes the non-verbal signs and inner monologues of V.A. Brehunov. Non-verbal signals are related to emotional and spiritual life of a character, therefore they become the main identifier of lie / truth. Deployed inner monologues of Brehunov are fixed mainly to the snowstorm situation which refers to the «blizzard text» of Russian literature and defines the miserliness of non-verbal signs. Traditionally, the result of «blizzard» journey is moral self-determination of a hero, which is revealed in the novel «Master and Man» by inner monologues. Thus, a comprehensive analysis of non-verbal signals and inner monologues of the character reveals the superiority of the spiritual over the physical, a landmark in the art world of late L. Tolstoy.

Keywords: L. Tolstoy, motive of a false life, semantics of a gesture, inner monologue.

Фомина Юлия Валерьевна, аспирант
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»
394000, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10
E-mail: y.v.fomina@yandex.ru

Fomina Yu.V., postgraduate student
Voronezh State University
394000, Russia, Voronezh, Lenina sq., 10
E-mail: y.v.fomina@yandex.ru